

Ты бросишь все, к чему твои желанья
Стремилась нежно; эту язву нам
Всего быстрее наносит лук изгнания.
Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням¹.

*Данте Алигьери,
Божественная комедия,
«Рай», песнь 17*

¹ Пер. М. Лозинского.

Пролог

Артал Гремонт, наследник чайной хартии Каstellлана, никогда особенно не любил океан. Да, разумеется, океан был источником его баснословных доходов. Быстроходные корабли доставляли из заморских стран в Каstellлан грузы чая и кофе стоимостью в миллионы крон, и владельцы этих кораблей были богаче самих Богов. В теории Артал ценил удобство морских путешествий; на практике он находил дальние плавания однообразными и очень, очень скучными.

С другой стороны, Гремонт почти все и вся находил скучным. Люди, окружавшие его, чаще всего были скучными и ограниченными. Большинство приемов и вечеров, куда его приглашали, были скучными. Быть сыном держателя хартии в Каstellлане, иметь деньги, но не обладать реальной властью тоже было скучно. А когда он попытался сделать свою жизнь интереснее, его изгнали из города под благовидным предлогом: родители якобы поручили ему руководить операциями компании в южных странах. Это было просто *невыносимо* скучно.

Однако в последнее время события приняли неожиданный оборот, и у Артала проснулся интерес к жизни. Трагически погиб отец, Артал унаследовал чайную хартию, и его вызвали в Каstellлан. Ссылка окончилась. Он заплатил за место на ближайшем судне, покидавшем гавань Тапробаны, — это был один из галеонов Лорана Адена, который теперь вез в Каstellлан груз тикового дерева. На корабле имелось шесть крошечных пассажирских кают, расположенных у кормы, но окна были только в просторной каюте капитана.

Помещение, выделенное Гремонту, скорее напоминало чулан со встроенной в стену койкой и столом, привинченным к полу, чтобы он не переворачивался при качке.

Скука, скука, скука. Гремонт в раздражении расхаживал по каюте. На этом треклятом корабле было нечего делать, и он чувствовал, что скоро не выдержит. Когда он находился в таком состоянии, ему чаще всего приходилось что-то предпринимать, чтобы снять напряжение. Это была жизненная необходимость, подобная голоду или жажде.

Увы, Лоран Аден поддерживал на корабле железную дисциплину, и ему не было дела до нужд Артала. На прошлой неделе, после того как они покинули порт Фавара, люди капитана обнаружили молодую девушку, которую он тайком провел на корабль. По крайней мере, Артал успел немного поразвлечься, прежде чем Лорану донесли о девчонке и тот приказал немедленно убрать ее из пассажирской каюты. Они с капитаном обменялись не слишком любезными репликами, и Арталу дали понять, что, если он еще раз вытворит нечто подобное на «Черной розе», его вышвырнут на берег в ближайшем порту, будь он хоть сто раз владельцем хартии.

Он не знал, что случилось с девчонкой, да и не желал знать. Она заляпала кровью его любимую куртку, и это его разозлило. Хотя и не так сильно, как сейчас злила необходимость сидеть в тесной каюте.

Лоран запретил ему шляться по кораблю, но к дьяволу Лорана! Гремонт рванул на себя дверь и вышел в узкий коридор, тянущийся вдоль корпуса судна. Снял с гвоздя закрытый стеклянный фонарь. Надо идти с целеустремленным видом, сказал он себе, направляясь к лестнице, которая вела на верхнюю палубу. Если идешь быстро и уверенно, люди думают, что у тебя есть какое-то важное дело.

Он прошел мимо камбуза. Кок дремал на стуле, уронив нож, рядом стояло деревянное ведро с начищенной картошкой. Слава Богам, до Каstellана оставалось все-

го несколько дней. Гремонту осточертела солонина, вареная картошка и сало.

На верхней палубе было свежо, дул приятный ветерок. Луна висела низко над горизонтом, на волнах подрагивала серебристая дорожка. Аккуратно свернутые канаты напоминали спящих змей.

Другой человек на его месте залюбовался бы видом: звезды мерцали, как бриллианты на черном бархате, морская гладь походила на лист рельефного стекла. Гремонт лишь бросил на воду злобный взгляд. Море было преградой между ним и Каstellаном, море отделяло его от всего, что он потерял, отправляясь в изгнание.

Скрип настила заставил его вздрогнуть; Артал понял, что не один. Он резко обернулся, но ничего не увидел; а в следующий миг из непроницаемой тьмы, словно призрак, выступила черная фигура. (Когда он впервые увидел этот фокус, то чуть в обморок не грохнулся от неожиданности; сейчас Артал уже более или менее привык к ее магическим штучкам.) Она была одета в костюм наемного убийцы: все тело, включая лицо, было скрыто гладкой темной тканью. Гремонта это нервировало, несмотря на то что он видел ее без маски и прекрасно знал, как она выглядит.

— Я пришла, чтобы поздравить тебя со свадьбой, Артал, — заговорила она. У нее был низкий, хрипловатый голос. Если бы он не знал, что перед ним женщина, то, скорее всего, принял бы ее за мужчину.

— Думаю, нет смысла спрашивать вас о том, как вы попали сюда с континента, — кисло ответил Артал. — На спине летучей мыши, а?

Она хмыкнула.

— Ты меня забавляешь. Откуда такое уныние? Разве так ведет себя мужчина, которому вскоре предстоит вступить в очень выгодный брак?

Он презрительно фыркнул.

— Антонетта Аллейн — это, по-вашему, «очень выгодная партия»? Вы же знаете, что я рассчитывал на большее.

— Я помню, что ты рассчитывал взять в жены Анжелику, принцессу Кугани. Но ее семья никогда не дала бы согласие; она принадлежит к королевскому дому, а отпрыски царствующих семей могут вступать в брак только с равными себе.

— Ну конечно, кому же знать об этом, как не вам.

Она фыркнула и без видимых усилий вскочила на перила. Она легко балансировала на узкой деревянной планке, а Гремонта замутило при одной мысли о воде, находящейся далеко внизу.

— Что-то ты мрачен, Гремонт. Надеюсь, ты не жалеешь о нашем соглашении? Не передумал?

Гремонту показалось, что кто-то провел ледяным пальцем по его спине. Он знал, что она владеет магией, хотя вырос в уверенности, что вся магия, кроме самой пустяковой, была уничтожена во время Раскола. Когда она впервые доказала ему, что он ошибался, он был потрясен до глубины души. В качестве напоминания о том дне у него остался шрам на тыльной стороне кисти — блестящий участок кожи, след от ожога, похожий на морскую звезду.

Даже теперь он боялся ее, хотя мысль об этом бесила его.

— Нет, — бросил он, — не передумал.

— Отлично. — Она смотрела на него сверху вниз — существо без глаз и без лица, черный силуэт на фоне бескрайнего ночного неба и темно-синего моря. — Надеюсь, ты не пошел в отца. Он тоже уверял нас в безграничной преданности, но в конце концов решил нас предать.

— Он всегда был слабаком, — буркнул Гремонт. Старик даже пальцем не пошевелил, чтобы избавить сына от изгнания; Гремонт этого не простил и не забыл. Мать была не лучше, но чего ждать от женщины? По крайней мере, она слепо любила его. — Вам не нужно напоминать мне о том, что вы потянули за нужные ниточки, и что только благодаря вам мне разрешили так быстро вернуться в Каstellан. Я прекрасно знаю, кому обязан.

— Рада слышать, — произнесла она, — потому что у тебя появилась новая возможность. Шанс продемонстрировать свой ум. Твоя прекрасная невеста, Антонетта из семьи шелковой хартии, по-видимому, обладает ценной информацией. Нам нужно, чтобы к нам присоединился один человек, и она знает, как его найти.

— Антонетта? Вы серьезно? В ее пустой голове содержится какая-то информация? Вот уж не ожидал.

— Даже мышь раз в жизни может наткнуться на драгоценную крошку. Но речь не об этом. Я разрешаю тебе после свадьбы вытянуть из нее сведения. Любым способом. Используй все методы, какие сочтешь нужными.

— Правда? Любым способом? — Гремонт гадко ухмыльнулся. — Я вас не разочарую, госпожа.

— Постарайся не слишком увлекаться, Артал. Пока что Лиорада Аллейн боится нас больше, чем Аврелианов, но, если ее взгляды изменятся, это поставит под угрозу наши планы. Твой брак с Антонеттой — это еще один рычаг, которым мы можем воспользоваться, чтобы держать под контролем нашу дорогую Лиораду. Так что оставь девчонку в живых, будь так добр. Этим ты окажешь услугу мне лично.

— Разумеется, — ответил Гремонт. — Я в любом случае собирался оставить ей жизнь. Так будет намного интереснее. Моя собственная игрушка. Посмотрим, как она выглядит без своих шелковых платьев.

Темная фигура усмехнулась.

— Как приятно видеть тебя счастливым, Артал. Но не забывай: на Горе есть немало людей, которые желают нашего падения. Многие еще преданы Дому Аврелианов. Всегда носи при себе амулет. Он намного могущественнее, чем ты думаешь.

— Конечно. — Артал поднял руку и прикоснулся к подвеске, которую она дала ему в Тапробане, задолго до того, как он сел на корабль. — Было бы глупо с моей стороны отказаться от защиты. А если бы я был глуп-

цом, вы не обратились бы ко мне с предложением о сотрудничестве.

Она ничего не ответила. Артала задело ее молчание; он в недоумении поднял голову и увидел, что женщина исчезла. Он бросился к борту и перегнулся через перила, но внизу не было ничего, кроме темной воды. Серебристая дорожка, оставленная луной, вела в Каstellан.

Глава 1

Кел и Конор на Сеновале практиковались в искусстве владеть мечом.

Они уже давно не упражнялись — не было времени, поэтому оба действовали довольно неловко. Но постепенно дело пошло лучше. Джоливет часто говорил, что у тела существует мышечная память. Когда Кел явился на Сеновал, он еще не совсем проснулся, мышцы боле-ли, руки и ноги едва слушались. Но сейчас, после часа тренировки в помещении, где они учились сражаться с детства, он пришел в себя; тело снова стало гибким, движения были стремительными и ловкими.

Плоская сторона его учебного меча со звоном удари-лась о меч Конора. Кел наступал, пользуясь преимуще-ством, но на этот раз Конор прыгнул в сторону и вскочил на один из тюков сена, разбросанных по чер-даку и служивших препятствиями. Потом поднял ле-вую руку — это был сигнал перерыва.

Кел опустил оружие и расправил плечи.

Конор провел рукой по взмокшим от пота темным волосам и нахмурился.

— Нам нужно почаще тренироваться, — заметил он. — Я едва помню, как держать меч. Слишком много вечеров провел за письменным столом, никакой физи-ческой активности, если не считать царапанья пером по бумаге. За последние месяцы я совсем потерял фор-му и превратился в пудинг, Келлиан.

— Насчет *пудинга* я бы поспорил, — возразил Кел.

Конор был подтянутым и сильным, как всегда. Не-смотря на занятость, он плавал и почти каждый день выезжал на своей лошади, Асти. Кроме того, разве ко-

ролева еще вчера или позавчера не сокрушалась насчет того, как сильно он исхудал? Если у него и были проблемы со здоровьем, то скорее из-за бессонницы и работы до поздней ночи.

Но Кел не собирался затрагивать этот вопрос. Конон выслушивал от Кела вещи, которых не потерпел бы ни от кого другого, но резкая перемена, происшедшая с принцем три месяца назад — его странное новое увлечение государственными делами, — не подлежала обсуждению даже для его Ловца Мечей. Кел догадывался, что принц не желал обсуждать это потому, что работа служила для него чем-то вроде наказания или искупления грехов, но это была всего лишь догадка. Да, ему оставалось только гадать. Конон отказывался говорить о своих чувствах, а Кел не настаивал.

— Разумеется, мы можем тренироваться чаще, если хочешь, — ответил он. — Присоединяйся к нам с Джоливетом. Я готов помочь тебе в любом предприятии, которое поможет тебе избежать превращения в пудинг.

Он поднял меч, давая понять, что перерыв окончен. Конон рассмеялся, спрыгнул с тюка сена, одновременно вращаясь, и нанес горизонтальный удар. Кел ответил выпадом сверху вниз, и клинки встретились с оглушительным звоном. Кел отскочил назад, на безопасное расстояние, но Конон не отставал.

Они практиковались в фехтовании так давно, что уже наизусть знали приемы друг друга: Конон был слишком безрассуден, Кел — слишком осторожен. Во время боя они чувствовали себя свободно и могли беззаботно болтать, одновременно атакуя и парируя удары, бросаясь на противника и делая ложные выпады.

— Как ты, готов? — спросил Кел. — Это будет первое совещание в Палате Солнечных Часов после... э-э, за последние три с лишним месяца.

Он едва успел сдержаться, чтобы не ляпнуть «после резни в Сияющей галерее». Несмотря на то что Конон не уклонялся от разговоров о нападении на Дворец и убийстве маленькой принцессы из Сарта, он не любил вспоминать о том дне. Ему до сих пор снились кош-

мары, и он просыпался с криками; Кел, который спал в одной комнате с принцем, потом долго лежал без сна, напряженно прислушиваясь к дыханию Конора. Только после того как принц засыпал, он мог закрыть глаза.

Защита, ответный удар. Конор проворно пригнулся, отпрянул. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Кучка трусов, — бросил он. Он имел в виду владельцев хартий, одиннадцать самых влиятельных семей Каstellана. — Половина из них, по-моему, уверены, что их всех перебьют в тот момент, когда они переступят порог Маривента.

Кел мог бы возразить на это, что страхи аристократов отнюдь не беспочвенны: в последний раз, когда они собрались в Маривенте на пир, их действительно едва не перебили.

— Разумеется, никто не признается в том, что это и есть главная проблема. Они постоянно находят себе оправдания: дела, загадочные болезни. Но Майеш распустил слухи о том, что я намерен сделать важное объявление, так что на этот раз любопытство вынудит их прийти.

Несмотря на мрачные настроения на Горе, Конор твердо решил, что ежемесячные собрания в Палате Солнечных Часов должны возобновиться как можно скорее. Он лично посетил всех глав семейств и напомнил им о том, что они не могут вечно прятаться по домам, как крысы в норах, а, напротив, должны вести себя решительно и выступить единым фронтом. В стране всегда действовали шпионы, которые, естественно, активизировались сейчас, когда правительство Сарта давило на Каstellан, словно пресс для винограда. Принц прозрачно намекнул: если шпионы доложат своим хозяевам, что правящий класс Каstellана до смерти напуган, в итоге всем будет только хуже.

— Да, твое объявление прозвучит как гром среди ясного неба, — заметил Кел.

Конор попытался нанести вертикальный удар; Кел парировал его выпад из четвертой позиции. Принц бросил на Ловца Мечей пронизывающий взгляд.

— Ты обеспокоен. Считаешь, я поступаю неправильно?

— Нет, — ответил Кел. — Но аристократы могут со мной не согласиться. В последний раз, когда ты сообщил, что женишься с целью решить проблемы государства, это плохо кончилось.

«Плохо» — это было еще слабо сказано. «Плохо» — это массовое убийство в Сияющей галерее, причина ночных кошмаров Конора. И причина, по которой Кел не только воздерживался от вопросов, но и вынужден был хранить собственные секреты. У него теперь имелось гораздо больше секретов, чем ему хотелось бы.

— Знаешь, это не только мое решение. Я принял его, посоветовавшись с Джоливетом и Майешем. И с матерью. Что касается отца... увы, придется им поверить мне на слово.

Да уж. На следующий день после убийств в Галерее король удалился в Северную башню и с тех пор не покидал ее. Слуги приносили ему пищу; он не выходил, не показывался, не разговаривал, не реагировал, когда к нему обращались. Майеш говорил, что это шоковое состояние — он называл болезнь короля «кататонией», — и уверял, что, подобно любой другой болезни, со временем оно пройдет.

И все же правду о состоянии короля тщательно скрывали. Кроме Кела, только Конору, Майешу, Джоливету и королеве было известно о том, что он не говорит, что «указы короля», исходящие якобы из Северной башни, на самом деле были указами Конора и что принц составлял их с помощью советников.

— Да, — кивнул Кел. — По-моему, обидно. Тебе все это время удавалось избежать войны с Сартом только благодаря своим дипломатическим способностям и стараниям. — *Работа до рассвета, искусно составленные послания, извинения, не содержавшие признания вины, уступки без капитуляции.* — Но никто не узнает о том, что это твоя заслуга. По крайней мере, Семьи Хартий не узнают.

— Возможно, — пожал плечами Конор. — Но я прекрасно знаю, что такое шантаж. — Его улыбка была грозной, как блеск клинка. — Сарту плевать на смерть принцессы. Они рады, что получили предлог, позволяющий предъявлять нам требования. А как только ты попадешься на крючок шантажисту, ты пропал. Он не оставит тебя в покое, он будет приходить снова и снова, будет требовать больше, и неважно, сколько ты заплатишь. Сарт не возьмет и не исчезнет в один прекрасный день, как это сделал Проспер Бек.

Проспер Бек. Иногда Келу трудно было поверить в то, что преступник, с которым он когда-то заключил сделку, чтобы спасти жизнь и рассудок принца, просто покинул Каstellан. Именно появление Бека привело Кела в темный мир Короля Старьевщиков: Бек вздумал соперничать с Андрейеном, и Король Старьевщиков поручил Келу выяснить, кто именно на Горе финансирует разнообразные криминальные предприятия Бека. Кел тогда решил, что Бек — это более жестокая и опасная версия Короля Старьевщиков, преступник, не связанный кодексом чести, в отличие от Андрейена. Темная лошадка, непредсказуемый человек, способный на все.

Конор продолжал говорить о Сарте; Кел заставил себя забыть о Беке и сосредоточился на словах принца.

— Единственный способ сдерживать Сарт — это продемонстрировать силу, дать им понять, что связываться с нами не стоит. Когда я заключу этот брак, страна получит деньги и военные корабли; после этого шантажировать нас станет слишком опасно. — В его серых глазах вспыхнули странные огоньки. — Кстати, о браке. Скоро приедет Артал Гремонт. Нам всем придется готовиться к нескончаемой демонстрации триумфа. Леди Аллейн превратит помолвку дочери и свадебные торжества в настоящий спектакль.

Кел на долю секунды помедлил и не успел отразить колющий выпад Конора; Конор постучал по его куртке острием учебного меча, защищенным специальной накладкой, словно говоря: «Будь внимательнее».

Кел деревянным голосом произнес:

— Ты прав, это будет ее триумфом. Наконец она достигнет того, к чему стремилась: выгодно выдаст Антонетту замуж. Интересно, на что леди направит свою энергию после того, как высохнут чернила на свидетельстве о браке.

— Думаю, сделает все возможное, чтобы захватить руководство чайной хартией Гремонта, ведь ей мало своей собственной, — усмехнулся Конор. — Придется мне внимательнее следить за этими двумя. Такие огромные богатства и власть, сосредоточенные в руках одной семьи... нет, это не к добру. Но, по крайней мере, Антонетта — девушка не амбициозная, — добавил он, — хотя мамаша наверняка начнет ее подстрекать.

Не амбициозная. Именно так все думали об Антонетте; и только Кел знал, что все ошибаются. Он помнил, как она сказала ему о том, что хочет контролировать шелковую хартию. В другой раз она заметила, что ее мать считает неприемлемым передать управление предприятием незамужней женщине, однако после свадьбы она сможет самостоятельно вести дела и распоряжаться состоянием до совершеннолетия наследников. Итак, Антонетта готова была связать свою жизнь с таким неприятным, грубым, порочным человеком, как Гремонт, ради того, чтобы получить контроль над самой ценной хартией Каstellлана. Это многое говорило о ее амбициях.

— С другой стороны... — пробормотал Конор, отклонил меч Кела, сделал движение клинком сверху вниз и коснулся плеча противника; Кел застыл, признавая победу принца. — Я часто думаю о фразе, которую сказал старик Гремонт перед смертью. Никому нельзя полностью доверять.

Кел на мгновение прикрыл глаза, вспоминая слова старого аристократа. Он, Кел, был рядом, когда умирал Гремонт, он был единственным, кто провожал несчастного в последний путь через серую дверь, а Гремонт его даже не узнал. Думал, что говорит с Конором.

«Никому не верьте, — сказал он. — Ни матери, ни советнику, ни друзьям. Никому на Горе нельзя дове-

рять. Доверяйте только собственным глазам и ушам, иначе Серый Змей придет и за вами».

Эти слова предназначались для Конора. Кел пересказал принцу краткий разговор с умирающим в один из ужасных дней после нападения, когда Конор не спал ночами и до утра расхаживал по их спальне. Когда Кел повторил слова Гремонта, на губах Конора промелькнула призрачная улыбка.

«Да, ценный совет, — сказал он тогда, — но в нем не было необходимости. Я и без того никому не доверяю — кроме тебя, разумеется, но ведь ты же и есть мои глаза и уши, разве нет? Ты мне не советник, не друг, ты мне даже не брат. Ты, скорее, мое второе „я“. И сейчас ты нужен мне больше, чем когда-либо прежде. Не только для того, чтобы меня охранять, но и для того, чтобы смотреть и слушать. И рассказывать мне об увиденном и услышанном».

Кел промолчал в ту ночь. Он не мог сказать Конору, что и он, Кел, тоже лжет — пусть даже это делалось ради блага принца. Тогда не мог. Не мог и сейчас. Он молчал и скрывался, повторяя себе, что этим помогает Конору. Что однажды Конор узнает правду и простит ему предательство.

— О, как хорошо, что вы пришли, — воскликнула Антонетта Аллейн, с трудом выбираясь из-под огромной горы подушек, наваленных в изголовье ее позолоченной резной кровати. — Кто-нибудь, кроме Магали, видел вас около дома?

Лин Кастер покачала головой. На крыльце у нее действительно произошла небольшая стычка с Магали, горничной Антонетты; Магали была решительно настроена избавить Лин от верхней одежды и медицинской сумки, а Лин отказывалась расставаться и с тем, и с другим. Безмолвная борьба происходила под настороженными взглядами двух дюжин покойных Аллейнов, смотревших на женщин с портретов.

Лин до сих пор не привыкла к обстановке дворца Аллейнов. Он был не таким величественным и пустынным.

ным, как жилище Ровержей; напротив, он был *забит* самыми разными вещами: пейзажами в роскошных рамах, массивными серебряными вазами из нескольких ярусов с пышными букетами шелковых цветов, позолоченными часами, мраморными бюстами древних поэтов и драматургов. Все предметы мебели, которые можно было покрыть позолотой, были позолочены, а все остальное было отделано белым кружевом, напоминавшим фату невесты.

Горничная в конце концов сдалась, оставила в покое имущество Лин и провела ее по позолоченной лестнице в длинный коридор, устланный шелковым ковром ручной работы. Вдоль лестницы были развешаны зеркала в серебряных рамах, и Лин мельком взглянула на свое отражение: рыжие волосы, заплетенные в тугие косы, серое ашкарское платье без отделки, потертая кожаная сумка на плече. Без сомнения, она была самой простой и неприметной вещью в этом доме.

Лин невольно вспомнила тот первый раз, когда Антонетта вызвала ее к себе. Она удивилась, получив письмо с просьбой прийти, поскольку семья Аллейн была одной из богатейших в стране, но Антонетта была тверда. Она желала, чтобы Лин посещала ее каждую неделю, *обязательно* в один и тот же день и час, причем эти визиты следовало хранить в строжайшей тайне. Антонетта не сказала, почему назначила именно это время, но Лин из разговоров с Келом в Черном особняке понял, что леди Аллейн еженедельно играет в карты с другими знатными дамами Горы, а это означало, что матери Антонетты, скорее всего, не будет дома.

Во время их первой встречи Антонетта Аллейн понравилась Лин, что было неудивительно, поскольку Антонетта сумела незаметно провести ее в Маривент, несмотря на многочисленную охрану, — и со временем Лин поняла, что эта девушка нравится ей все больше.

Антонетта была доброй, хоть и немного легкомысленной. Лин про себя сравнивала ее с кроликом, случайно попавшим в стаю шакалов, обитавших на Горе. Оказалось, что она практически не нуждается в меди-